

Мелоди
ЛЕИН

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

СОКРОВИЩЕ
КРИМИНАЛЬНОГО КОРОЛЯ

18+

Мелоди Лейн

**Сокровище
Криминального Короля**

«Автор»

2026

Лейн М.

Сокровище Криминального Короля / М. Лейн — «Автор», 2026

Она - хрупкая балерина, плененная жестоким миром криминала. Он - безжалостный главарь мафии, привыкший получать все, что захочет. Их встреча была предрешена свыше, но станет ли она спасением или началом еще большего кошмара?

© Лейн М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Цена долга. Кирилл	5
Глава 2. Шепот страха. Василиса	8
Глава 3. Хрупкое наваждение. Кирилл	11
Глава 4. Завтрашний ад. Василиса	15
Глава 5. Пощечина для Громова. Кирилл	17
Глава 6. Его скупая похвала. Василиса	20
Глава 7. Нежеланное наваждение. Кирилл	23
Глава 8. Опасная мысль. Василиса	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сокровище Криминального Короля

Глава 1. Цена долга. Кирилл

Я ненавижу три вещи в этой гребанной, никчемной жизни. Продажных женщин, которые для меня приравнивались к шлюхам. Патологических лжецов. И злостных неплательщиков, которые не смогли вовремя вернуть проценты за мою помощь, когда я давал им деньги в долг под проценты. Сегодня среди 3 категории оказался Вихров Платон, у которого прогорел бизнес, открытый на мои деньги, которые он взял у меня на год.

Мой бронированный "Мерседес" бесшумно катил по ночным улицам Москвы, разрезая неоновый свет рекламных вывесок острым клином капота. За окном мелькали огни чужой, беззаботной жизни, но внутри салона царили мрак, тишина и запах дорогой кожи. Я сидел на заднем сиденье, закинув ногу на ногу, и лениво просматривал на планшете отчеты по последней сделке с оружием. Цифры были приятными, но настроения не улучшали.

Сегодня я был одет не по-деловому. На мне были потертые джинсы, дорогая, но неброская футболка и кожаная куртка. Не хотелось светиться в загородном поселке в костюме за десять тысяч долларов. Просто визит к старому "другу".

- Приехали, Кирилл Платонович, - раздался тихий голос моего водителя и начальника охраны, Амирана.

Я оторвал взгляд от экрана. За тонированными стеклами высился трехэтажный особняк Вихрова - безвкусный, аляповатый, с колоннами и лепниной, кричащий о деньгах, которых у его хозяина больше не было. Свет горел лишь в нескольких окнах, создавая ощущение покинутости. Жалкое зрелище.

- Вы с нами, босс? - спросил Стас, мой второй телохранитель, сидящий рядом с Амираном. Его рука уже лежала на кобуре под пиджаком.

- Я сам, - коротко бросил я, убирая планшет. - Ждите здесь. Если через пятнадцать минут не выйду - знаете, что делать.

Они молча кивнули. Это была стандартная процедура.

Воздух был холодным и влажным. Я поднялся по гранитным ступеням, игнорируя навороченный домофон, и нажал на звонок. Дверь открылась почти сразу. На пороге стоял сам Платон Вихров. Мужчина лет пятидесяти, некогда холеный и уверенный в себе, сейчас он выглядел как выжатый лимон. Помятый домашний костюм, пот на лбу, бегающие глаза. Он явно меня ждал. И боялся.

- Кирилл... Платонович, - пролепетал он, заискивающе улыбаясь. - Проходи, дорогой. Не ожидал тебя так поздно.

Я прошел мимо него в холл, не удостоив ответом. Огромное пространство с мраморным полом, безвкусной позолотой и несуразной хрустальной люстрой под двухсветным потолком.

Все это казалось бутафорией, прикрывающей гниль и отчаяние. В воздухе пахло пылью и страхом.

- Чаю? Кофе? Может, чего покрепче? - суетился Вихров, закрывая за мной тяжелую дубовую дверь.

- Деньги, Платон, - мой голос прозвучал ровно и холодно, эхом отразившись от стен. - Я приехал за деньгами. Срок вышел вчера. Двадцать миллионов плюс проценты. Итог двадцать шесть.

Вихров сглотнул. Его лицо стало еще бледнее.

- Кир, пойми, тут такое дело... Партнеры подвели, поставка сорвалась... Я все верну, честное слово! Дай мне еще месяц, всего один!

Я медленно прошелся по холлу, проводя пальцем по пыльной поверхности столика. Обернулся и посмотрел ему прямо в глаза. Мой взгляд черных глаз, как говорили многие, пронизывал до костей.

- Месяц? Платон, мы с тобой не в детском саду. Ты знал правила, когда брал деньги. Мои деньги. Я не банк, я не даю отсрочек. Я решаю проблемы. И ты стал моей проблемой.

Я шагнул к нему. Он инстинктивно попятился, пока не уперся спиной в стену. Я видел, как колотится жилка у него на виске. Жалкий.

- Кирилл, умоляю! - зашептал он. - Забирай все! Дом, машину... Все, что есть! Но денег сейчас нет, понимаешь? Ни копейки!

- Твой дом и твоя машина не покроют и трети долга, - усмехнулся я. - Ты думал, я не проверил твои активы перед визитом? Ты гол как сокол, Платон.

В этот момент на верхней площадке лестницы, ведущей на второй этаж, раздался легкий шорох. Я поднял голову.

И замер.

Там стояла она. Девушка. Почти девочка. В простом сером спортивном костюме, который не мог скрыть ее изящной, стройной фигуры. Длинные черные волосы были собраны в небрежный пучок на затылке, открывая тонкую шею и высокий лоб. Никакой косметики. Огромные, испуганные глаза цвета горького шоколада смотрели на меня с тревогой. Она была похожа на лесную лань, случайно забредшую в логово волка.

Это была его дочь. Василиса. Я видел ее фото в отчетах. Балерина. Подающая надежды. Невинная и чистая, как первый снег. Полная противоположность тому миру, в котором я жил.

- Папа? Что происходит? - ее голос был тихим, мелодичным, но в нем звенел страх.

Вихров вздрогнул, будто его ударили.

- Василиса, иди к себе в комнату! Немедленно!

Но было уже поздно. Я уже принял решение. Это была лучшая компенсация за мой потерянный капитал и потраченное время. Новая, интересная игрушка.

Я медленно перевел взгляд с девушки на ее отца. На моем лице появилась хищная улыбка. Вихров увидел ее и похолодел. Он понял.

- Нет... Кирилл, нет... Только не ее. Прошу тебя, не трогай ее! - он бросился ко мне, пытаясь схватить за руку, но я одним движением отшвырнул его в сторону.

Я поднялся по лестнице, не сводя взгляда с девушки. Она застыла, не в силах пошевелиться, как кролик перед удавом. Я остановился в шаге от нее. Вблизи она была еще прекраснее. Тонкий нос, выразительные скулы, нежная кожа, на которой проступал легкий румянец. Я видел, как бешено пульсирует венка на ее шее. Запах ее тела - смесь чего-то цветочного и чистого - ударил в ноздри, пробуждая темные, собственнические инстинкты.

- Как тебя зовут, красавица? - мой голос прозвучал хрипло.

- Василиса, - прошептала она, опустив ресницы.

- Василиса... - я протянул руку и коснулся пальцами ее подбородка, заставляя поднять голову и посмотреть мне в глаза. Ее кожа была как шелк. Она вздрогнула от моего прикосновения. - Красивое имя. Для красивой девушки.

Я обернулся к Вихрову, который стоял внизу, белый как полотно.

- Я забираю ее, Платон. В счет долга. Считай, что тебе повезло. Я мог бы забрать твою жизнь.

- НЕТ! - взвыл он.

Василиса в ужасе распахнула глаза, в них блеснули слезы.

- Папа, о чем он говорит?! Куда забирает?!

Я проигнорировал их обоих. Развернулся и пошел вниз по лестнице.

- У тебя пять минут, чтобы собрать ее вещи. Только самое необходимое. Мои люди помогут, - бросил я Вихрову, доставая телефон и набирая номер Амираана. - Амираан, зайдите в дом. Вдвоем. У нас пополнение.

Ужас в глазах девушки, ее тихий вскрик, отчаяние ее отца - все это было музыкой для моих ушей. Сегодня я получил нечто гораздо более ценное, чем деньги. Я получил его сокровище. Его единственное сокровище. И теперь оно принадлежало мне.

Глава 2. Шепот страха. Василиса

Мир сузился до двух вещей: ледяных пальцев незнакомца на моем подбородке и бездонной черноты его глаз. В них не было ничего - ни жалости, ни сомнения, ни тепла. Только холодный, оценивающий блеск хищника, разглядывающего свою добычу. Мое тело онемело от ужаса. Я слышала крик отца где-то внизу, но он казался далеким, приглушенным, будто доносился из-за толстого слоя ваты.

"У тебя пять минут, чтобы собрать ее вещи".

Эта фраза ударила наотмашь, выбивая воздух из легких. Собрать вещи? Куда? Зачем? Мозг отказывался принимать реальность происходящего. Этого не может быть. Это какой-то страшный сон, ошибка, нелепое недоразумение.

Мужчина, назвавшийся Кириллом, отпустил мой подбородок и спустился вниз. Я осталась стоять на лестнице, парализованная страхом. Ноги не слушались, в горле стоял ком. Я видела, как в дом вошли двое его людей - огромные, молчаливые, в одинаковых темных костюмах. Они напоминали гранитных истуканов, без лиц, без эмоций.

- Василиса, доченька... - отец подбежал ко мне, его лицо было искажено гримасой ужаса и отчаяния. Он схватил меня за руки, его ладони были влажными и холодными. - Прости меня... Прости...

- Папа, что происходит? Кто этот человек? Куда он хочет меня забрать? - шептала я, но в душе уже знала ответ. Знала по тому, как отец избегал моего взгляда, по его сломленному виду. Меня продали. Как вещь. Отдали за долги.

Один из охранников бесцеремонно отстранил отца и грубо, но не больно, взял меня за локоть.

- Пойдемте, - его голос был безжизненным.

Он повел меня в мою комнату. Мою светлую, уютную комнату с большим окном, с пуантами в углу и стопками книг по истории балета на столе. Мой маленький мир, моя крепость. Сейчас она казалась чужой. Второй охранник вошел следом и достал спортивную сумку.

- Самое необходимое, - повторил он слова своего хозяина.

Я стояла посреди комнаты, не в силах пошевелиться. Что является самым необходимым, когда твою жизнь рушат на твоих глазах? Телефон? Зубная щетка? Я механически открыла шкаф. Руки дрожали так, что я не могла ухватиться за вешалку. Джинсы, несколько свитеров, белье... Охранник молча наблюдал за мной, и от его взгляда хотелось съежиться.

Когда сумка была собрана, он так же молча повел меня вниз. Кирилл ждал у двери, разговаривая по телефону. Он был спокоен, даже расслаблен. Будто забирать людей из их домов было для него обыденным делом. Увидев меня, он закончил разговор и убрал телефон в карман.

- Папа! - я рванулась к отцу, но охранник удержал меня. Слезы хлынули из глаз. - Не отпускай меня! Пожалуйста!

- Прощайся, - ледяным тоном произнес Кирилл, глядя на часы. - У тебя одна минута.

Отец обнял меня. Он рыдал, не стесняясь, сотрясаясь всем телом.

- Прости, дочка... Я все исправлю... Я тебя вытащу...

Но я уже не верила ему. Я смотрела через его плечо на Кирилла Рыжова. Он наблюдал за этой сценой с легкой, почти незаметной усмешкой. Он наслаждался. Наслаждался нашей болью, нашим унижением. И в этот момент страх смешался с другим чувством - жгучей, бес- сильной ненавистью.

Меня вывели из дома и усадили в тот самый черный "Mercedes". Я оказалась зажата между двумя охранниками на заднем сиденье. Кирилл сел впереди. Дверь захлопнулась, отрезая меня от моего дома, от моей прошлой жизни. Машина тронулась. Я смотрела в окно, как удаляется силуэт отца, стоящего на пороге.

Поездка прошла в полной тишине. Я не плакала. Я просто смотрела в окно на проносящиеся огни города и пыталась дышать. Каждая клеточка моего тела кричала от ужаса. Что он со мной сделает? Убьет? Продаст? Мысли были одна страшнее другой.

Мы заехали в подземный паркинг элитного небоскреба в самом центре Москвы. Лифт доставил нас на последний этаж. Когда двери открылись, я ахнула. Мы оказались в огромном пентхаусе. Стены из стекла открывали захватывающий вид на ночной город, раскинувшийся внизу, как усыпанное бриллиантами полотно. Интерьер был выполнен в стиле минимализма - холодный, строгий, бездушный. Черный, серый, стальной. Ни одной лишней детали, ни одной фотографии, ни одного намека на уют. Это было не жилище, а офис, штаб-квартира. Логово зверя.

- Это твоя комната, - Кирилл кивком указал на одну из дверей. - Ванная там же. В шкафу найдешь все необходимое. Можешь принять душ. Через час я жду тебя в гостиной.

Охранники остались за дверью. Я вошла в комнату и замерла. Она была не менее огромной и безликой, чем остальное пространство. Панорамное окно во всю стену, гигантская кровать, гардеробная. Все в тех же серых и белых тонах. Я подошла к окну. Город внизу жил своей жизнью, люди спешили по своим делам, смеялись, любили, ссорились. А я была здесь, в стеклянной клетке на вершине мира, пленница безжалостного монстра.

Я зашла в ванную. Белоснежный мрамор, дорогая сантехника. На полках стояли новые, нераспечатанные флаконы с шампунями, гелями, кремами. В гардеробной висела одежда - шелковые халаты, пижамы, простые платья. Все новое, с бирками. Он все подготовил заранее. Эта мысль заставила кровь застыть в жилах. Он не спонтанно решил забрать меня. Он планировал это.

Я встала под горячие струи душа, позволяя воде смывать с меня не грязь, а шок. Но это не помогало. Я все еще чувствовала на своей коже его ледяное прикосновение. Выйдя из душа,

я надела мягкий серый халат и посмотрела на себя в зеркало. Бледное лицо, огромные, полные ужаса глаза. Кто я теперь? Заложница? Рабыня?

Через час, как он и велел, я вышла в гостиную. Он сидел в глубоком кожаном кресле с бокалом виски в руке, глядя на город. На нем была уже другая одежда - черная рубашка, верхние пуговицы расстегнуты, открывая вид на сильную шею и начало мускулистой груди. Короткие черные волосы, волевой подбородок с легкой щетиной. Резкие, мужественные черты лица. Он был красив. Красотой хищного зверя, опасной и завораживающей.

Он услышал мои шаги и повернул голову. Его пронизывающий взгляд прошелся по мне с ног до головы, заставляя поежиться и плотнее запахнуть халат.

- Сядь, - он указал на диван напротив.

Я послушно села на самый краешек.

- Итак, Василиса, - начал он ровным голосом, не отрывая от меня взгляда. - Давай установим правила. Твой отец продал мне свой бизнес, свой дом и тебя. Теперь ты принадлежишь мне. Твоя жизнь, твоё тело, твоё время - всё мое.

Я молчала, вцепившись пальцами в мягкую ткань дивана.

- Ты будешь жить здесь. Покидать квартиру без моего разрешения запрещено. Связываться с кем-либо - запрещено. Твой телефон я забираю.

- Мой балет... - прошептала я. Это было единственное, что имело значение. - У меня завтра репетиция...

На его губах появилась тень усмешки.

- У тебя больше нет репетиций. Твой танец окончен. Теперь ты будешь танцевать только для меня.

- Вы не можете... - начала я, но мой голос дрогнул.

- Я могу всё, - отрезал он. - Запомни это раз и навсегда. Любая попытка ослушаться или сбежать будет иметь последствия. Не для тебя. Для твоего отца. Я понятно излагаю?

Я кивнула, чувствуя, как по щеке скатилась одинокая слеза. Он приковал меня к себе самой надежной цепью - страхом за близкого человека.

- Хорошо, - он допил виски и поставил бокал на стол. - А теперь иди спать. Завтра будет новый день.

Он отвернулся, снова устремив взгляд на город, давая понять, что разговор окончен. Я поднялась на ватных ногах и пошла в свою комнату-тюрьму. Закрыв за собой дверь, я сползла по ней на пол и наконец-то дала волю слезам. Я плакала беззвучно, сотрясаясь всем телом, оплакивая свою украденную жизнь, свою разбитую мечту и свое потерянное будущее. Я не знала, что ждет меня завтра. Я знала лишь одно: мой танец на краю пропасти только начался.

Глава 3. Хрупкое наваждение. Кирилл

Я стоял у панорамного окна, глядя, как ночной город пульсирует под моими ногами. В отражении стекла я видел ее хрупкую фигуру, удаляющуюся в сторону спальни. Дверь тихо закрылась. Я сделал еще один глоток виски. На языке остался горьковатый привкус торфа и дыма, но он не мог заглушить новое, незнакомое ощущение, которое оставила после себя эта девушка.

Раздражение.

Она должна была плакать, умолять, биться в истерике. Так вели себя все. Но Василиса... в ее огромных глазах был ужас, да. Но под ним, на самой глубине, я разглядел упрямство. Искру ненависти. Она смотрела на меня не как жертва, а как равный противник, застигнутый врасплох. Это интриговало и злило одновременно. Я привык ломать людей. Это было частью моей работы, частью моей натуры. Но ее хотелось не сломать. Ее хотелось... приручить.

Я достал телефон и набрал Амираана.

- Что по Вихрову? - коротко спросил я.

- Сидит в доме, пьет. Один. Поставлен под наблюдение, как вы и приказали, - отчеканил начальник охраны.

- Мне нужны все детали его "прогоревшего" бизнеса. С кем контактировал в последние полгода, кто были его партнеры, кто конкуренты. Особенно меня интересует некий Артур Громов. Проверь, не пересекались ли их пути. Хочу знать все, вплоть до того, какого цвета у него было нижнее белье.

- Будет сделано, Кирилл Платонович.

Я сбросил вызов. У меня было стойкое ощущение, что банкротство Вихрова - не просто результат его глупости. Слишком уж быстро и чисто все произошло. А Громов, мой давний конкурент, в последнее время вел себя слишком тихо. Такая тишина обычно предшествует буре. Возможно, Платон был лишь пешкой в чужой игре, направленной против меня. А его дочь... его дочь стала случайным призом, который я забрал с доски. А может, и не случайным.

Я прошел в свой кабинет - еще одну комнату с панорамным видом, заставленную стеллажами с книгами и оборудованную по последнему слову техники. На одном из мониторов я вывел изображение с камер наблюдения. Одна из них была в коридоре перед ее комнатой. Я видел лишь закрытую дверь. Ни звука.

Чертовщина. Что я вообще с ней собираюсь делать? Я не торгую людьми и не держу гарем. Женщины для меня были развлечением на одну ночь, не более. Я брал их, когда хотел, и отпускал, когда они мне надоедали. Но эта она была другой. Невинная. Чистая. Я видел это в ее глазах. И это вызывало во мне самые темные желания. Желание стать первым. Желание запятнать эту чистоту, подчинить ее себе без остатка, оставить на ней свою метку.

Утро я встретил в спортзале, выбивая дурь из боксерской груши. Но мысли о ней не уходили. Когда я вернулся в пентхаус, в гостиной уже была накрыт завтрак. Я приказал дом-

работнице, пожилой и молчаливой женщине, приходиться три раза в неделю, и сегодня был как раз такой день.

Дверь ее комнаты оставалась закрытой.

- Разбуди ее и скажи, чтобы вышла завтракать, - бросил я женщине.

Через пару минут она вернулась.

- Девушка отказывается выходить. И есть тоже.

Мои желваки напряглись. Чистое упрямство. Что ж, игра так игра.

Я подошел к ее двери и, не стучась, открыл ее. Она сидела на широком подоконнике, поджав под себя ноги, и смотрела на город. На ней был все тот же серый халат. Услышав меня, она обернулась. Во взгляде ни страха, ни слез. Только холодное отчуждение.

- Я сказал, что жду тебя к завтраку, - мой голос был ровным, но в нем звенела сталь.

- Я не голодна, - тихо ответила она, не отводя взгляда.

- Это был не вопрос. Это был приказ.

Она молчала. Ее упрямство начинало меня заводить. Я подошел к ней вплотную. Она даже не вздрогнула, только еще сильнее выпрямила спину. От нее пахло мылом и чем-то неуловимо женственным. Я наклонился так, что наши лица оказались в нескольких сантиметрах друг от друга.

- Ты, кажется, не поняла вчерашний урок, Василиса. Я повторю. Твое тело принадлежит мне. А это значит, что я решаю, когда ему нужна еда, когда - сон, а когда - что-то еще. И если ты не будешь есть, я буду кормить тебя силой. Хочешь это проверить?

В ее глазах на мгновение мелькнул испуг, но она быстро его подавила.

- Вы монстр.

- Да, - усмехнулся я. - Я монстр. И ты сейчас в его логове. Так что будь умной девочкой и иди за стол.

Я выпрямился и вышел из комнаты, оставив дверь открытой. Я был уверен, что она выйдет. Она была не глупой и понимала, что открытое противостояние сейчас ей не на руку.

Через пару минут она появилась в гостиной. Села за стол напротив меня и молча уставилась в тарелку с сырниками. Она была похожа на фарфоровую статуэтку - хрупкую, изящную, но холодную.

- Ешь, - приказал я.

Она медленно взяла вилку и отломил крошечный кусочек. Я наблюдал за каждым ее движением: как изящно двигаются ее тонкие пальцы, как она подносит вилку к пухлым, упрямо сжатым губам. Это зрелище было до странного эротичным. Я чувствовал, как внутри разгорается желание. Желание не просто обладать ее телом, но и сломить ее волю, заставить ее смотреть на меня не с ненавистью, а с покорностью. Или со страстью.

Внезапно зазвонил мой телефон. На дисплее высветился номер Амираана.

- Слушаю, - сказал я, принимая вызов.

- Кирилл Платонович, мы копнули по Громову. Есть кое-что интересное. За месяц до банкротства Вихрова, Громов тайно встречался с его главным бухгалтером. Похоже, тот слил ему всю коммерческую информацию, а заодно и помог провести несколько фиктивных сделок, которые и пустили Вихрова по миру.

- Бухгалтер. Где он сейчас?

- Вчера вечером вылетел в Испанию. Билет в один конец.

- Понятно, - я посмотрел на Василису. Она замерла с вилкой в руке, услышав фамилию Громова. Неужели она что-то знает?

- Продолжай копать. Найдите этого бухгалтера. Мне нужно, чтобы он заговорил.

Я закончил разговор и отложил телефон. Василиса смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

- Громов? Артур Громов? - ее голос дрожал. - Это... друг нашей семьи. Он часто бывал у нас в гостях. Он... он не мог...

Я усмехнулся. Какая наивность.

- В моем мире, девочка, у друзей есть цена. И твой отец, похоже, оказался слишком дешевым товаром. Его подставили. А ты стала вишенкой на торте.

На ее лице отразилась целая гамма чувств: неверие, шок, понимание и, наконец, отчаяние. Она поняла, что ее отец не просто неудачник. Он - жертва. Такая же, как и она. И виновник их несчастий не только я.

Она отложила вилку. Аппетит пропал окончательно.

- Что... что вы собираетесь делать?

- Я? - я откинулся на спинку кресла, наслаждаясь моментом. - Я собираюсь вернуть свое. С процентами. А Громов за все заплатит. А ты... ты будешь моим личным трофеем в этой войне. Самым красивым и ценным.

Я смотрел, как рушится ее мир, и чувствовал мрачное удовлетворение. Она еще не знала, что попала в самый центр войны двух криминальных королей. И теперь ее жизнь зависела только от меня.

Глава 4. Завтрашний ад. Василиса

Слова Кирилла - "твой отец... его подставили", "ты будешь моим личным трофеем" - звенели в ушах, как похоронный колокол. Я сидела за столом еще долго после того, как он ушел, глядя на остывшие сырники. Внутри все похолодело. Артур Громов. Дядя Артур. Человек, который дарил мне на дни рождения огромных плюшевых медведей, который хлопал громче всех на моих выступлениях и называл меня "наша маленькая звездочка". Предатель.

Эта мысль была еще страшнее, чем осознание собственного плена. Одно дело, когда тебя забирает враг, бездушный монстр из криминального мира. И совсем другое, когда в этом замешан тот, кого ты считал другом. Значит, папа... он не просто прогорел. Его уничтожили. Целеустремленно. А я... я не просто плата за долг. Я трофей, как сказал Кирилл. Символ его победы над врагом. От этого осознания стало еще гаже. Я была не человеком, а вещью, знаменем, которое победитель водружает над поверженным замком.

Я вернулась в свою комнату, свою золотую клетку. Подошла к огромному окну. Внизу кипела жизнь, а я была отрезана от нее невидимой стеной. Мне хотелось кричать, бить кулаками в это непробиваемое стекло, но я знала - бесполезно. Никто не услышит. Я была одна.

Весь день я провела в тумане. Я бродила по огромной квартире, изучая свою тюрьму. Все здесь кричало о деньгах и власти, но было лишено души. Холодные поверхности, строгие линии, идеальный порядок. Ни одной личной вещи, ни одной фотографии. Будто здесь жил не человек, а призрак. Я нашла библиотеку, уставленную тысячами книг в дорогих переплетах, но сомневалась, что он прочел хотя бы одну из них. Это была лишь еще одна демонстрация статуса.

Ближе к вечеру я услышала, как он вернулся. Его тяжелые шаги в коридоре заставили мое сердце замереть. Я сидела в своей комнате, сжавшись на кровати. Я ждала. Чего? Я не знала. И это неведение пугало больше всего.

Дверь открылась без стука. Он вошел и остановился на пороге, оглядывая меня своим пронзительным взглядом. На нем был идеально скроенный темный костюм, который делал его широкие плечи еще массивнее. Он выглядел как оживший кошмар - дьявольски красивый и смертельно опасный.

- Встань, - приказал он.

Ноги не слушались, но я заставила себя подчиниться. Поднялась, чувствуя себя подсыдающей перед судьей.

Он молча подошел ко мне. От него пахло дорогим парфюмом, табаком и властью. Запах, который я, наверное, буду ненавидеть до конца своих дней. Он остановился так близко, что я чувствовала тепло его тела. Я заставила себя не отводить взгляд, хотя внутри все кричало от желания забиться в угол.

- Завтра вечером мы выходим, - его голос был тихим, почти интимным, и от этого по коже пробежали мурашки.

- Ты пойдешь со мной.

- Куда? - вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать. - Туда, куда я скажу, - отрезал он. Он протянул руку, и я инстинктивно вздрогнула, но он лишь коснулся пряди моих волос, выбившейся из пучка. Его пальцы были жесткими, но прикосновение на удивление осторожным. - Я хочу, чтобы ты выглядела соответствующе.

Он отошел к двери и вернулся с большой черной коробкой с логотипом известного бренда. Он поставил ее на кровать.

- Это наденешь завтра. И туфли, что внутри. Украшения подберем на месте. Мастера по прическе и макияжу приедут в пять. Будь готова.

Я смотрела на коробку, как на ящик Пандоры. Он собирался нарядить меня, как куклу, и вывести в свет. Показать всем свой трофей. Унизить меня. Унизить моего отца.

- Я не пойду, - прошептала я, сама не веря своей смелости.

Он медленно повернул голову. В его черных глазах вспыхнул опасный огонек. Он сделал шаг ко мне, и я попятилась, пока не уперлась спиной в холодное стекло окна. Он навис надо мной, загораживая весь свет.

- Ты, кажется, быстро забываешь наши разговоры, Василиса, - прорычал он, упираясь руками в стекло по обе стороны от моей головы. Я оказалась в ловушке. - Ты пойдешь. Ты будешь улыбаться. Ты будешь смотреть только на меня. И весь вечер ты будешь держать меня за руку. А если ты попробуешь сделать хоть что-то, что мне не понравится... - он наклонился еще ниже, его горячее дыхание коснулось моей щеки. - Я вернусь к твоему отцу. И поверь, в этот раз я заберу у него не дочь. Я отрежу у него пальцы. Один за другим. Ты меня поняла?

Ледяной ужас сковал меня. Я смотрела в его безжалостные глаза и понимала - он не шутит. Он сделает это. Он способен на все. Я видела, как в его зрачках отражается мой собственный страх. И странное дело - вперемешку с ужасом я почувствовала что-то еще. Запретное, неправильное. Волнение от его близости, от его запаха, от той первобытной мужской силы, что исходила от него волнами. Мое тело предавало меня, реагируя на опасность, как на нечто возбуждающее.

- Поняла, - выдохнула я.

- Хорошая девочка, - на его губах появилась тень усмешки. Он провел тыльной стороной ладони по моей щеке, и я замерла, боясь дышать. Его кожа была грубой от щетины, но прикосновение заставило сердце пропустить удар.

Он отстранился так же резко, как и приблизился.

- Отдыхай, - бросил он и вышел, закрыв за собой дверь.

Я сползла на пол, дрожа всем телом. Я ненавидела его. Ненавидела за то, что он делает со мной, с моей семьей. Но еще больше в этот момент я ненавидела себя. За ту минутную слабость, за то, что мое тело откликнулось на близость этого монстра. Завтра меня ждал выход в свет. И я знала, что это будет не просто вечер. Это будет начало моего личного танца в аду.

Глава 5. Пощечина для Громова. Кирилл

Я закрыл за собой дверь ее спальни, оставив ее дрожать у окна. Внутри горел холодный огонь удовлетворения. Я видел страх в ее глазах, но видел и другое - упрямство, которое она пыталась скрыть. И еще я видел ту мимолетную искру отклик. Ее тело отреагировало на мою близость, пусть даже разум и кричал от ненависти. Эта маленькая победа была слаще, чем многомиллионная сделка. Она боится меня, но она чувствует меня. Это было главное.

Я прошел в свой кабинет и налил себе виски. Угроза отцу была грязным, но самым действенным приемом. Я не собирался калечить старика, он был мне неинтересен. Но она об этом не знала. Для нее я был монстром, способным на все. И пока она так думает, она будет в моей власти.

Мой телефон завибрировал. Звонил Амиран.

- Говори. - Мы засекли бухгалтера. Марбелья. Отель "Puente Romano". Живет на широкую ногу.

- Хорошо, - я сделал глоток, обжигая горло. - Подготовить группу захвата. Мне он нужен живым и разговорчивым. Никакой самодеятельности. Возьмете его тихо, когда он будет один. Через два дня он должен быть здесь, в подвале одного из моих складов.

- Понял, Кирилл Платонович. Есть еще кое-что. Громов завтра устраивает закрытый прием в своем загородном клубе "Олимп". Съедется весь цвет - и легальный, и теневой. Судя по всему, празднует какую-то крупную победу.

Я усмехнулся в трубку. Картина складывалась. Громов, убрав с дороги моего должника Вихрова и думая, что я ничего не знаю, решил отпраздновать триумф. Какая самонадеянность.

- Приглашение у меня есть?

- Разумеется. Вас ждут.

- Отлично. Мы там будем.

Я сбросил вызов. Идеально. Все складывалось просто идеально. Завтра я появлюсь на празднике Громова. И не один. Я появлюсь с его главным трофеем - дочерью человека, которого он уничтожил. Я выведу ее в свет, одетую с иголки, сияющую. И каждый в этом зале будет знать, что она - моя. Что все, что принадлежало Вихрову, теперь принадлежит мне. Это будет пощечина. Публичное унижение. Идеальное начало нашей маленькой войны.

Я бросил взгляд на монитор с камер наблюдения. Она больше не стояла у окна. Она подошла к кровати и с опаской открыла черную коробку. Я приблизил изображение. Ее тонкие пальцы коснулись ткани платья. Черный шелк. Простое, но невероятно элегантное, облегающее фигуру, с открытой спиной. В нем она будет выглядеть как королева. Моя королева.

Она достала платье, поднесла его к себе. Я видел, как меняется выражение ее лица. В нем читалась смесь восхищения и отвращения. Она понимала, что в этом наряде будет неотразима.

И ненавидела эту мысль. Ненавидела, что я заставляю ее быть красивой для меня, для моих целей.

Это возбуждало. Мысль о том, как я буду снимать с нее этот шелк послезавтра, когда мы вернемся, заставила кровь прилить к паху. Но я отогнал это наваждение. Не сейчас. Она еще не готова. Она девственница, я это чувствовал, знал почти наверняка. Такая чистота и строптивость бывают только у тех, кого еще не коснулся мужчина. И я не собирался торопиться. Сломать ее тело - просто. Сломать ее волю, заставить желать меня - вот настоящая цель. Первый секс с ней будет не актом насилия, а актом капитуляции. Ее капитуляции.

Я отвернулся от монитора и снова сосредоточился на делах. Просмотрел отчеты, отдал несколько распоряжений по телефону. Моя империя не ждала. Контрабанда, оружие, отмывание денег - шестеренки огромного механизма должны были вращаться без сбоев. Но впервые за долгие годы мысли о работе постоянно прерывались. Образ Василисы - ее испуганные глаза, прямо сжатые губы, дрожь ее тела, когда я стоял рядом - преследовал меня.

Она была как наркотик, который я еще не попробовал, но уже предвкушал его действие. Она была опасностью. Слабостью, которую я не мог себе позволить. Но отказаться от нее я уже не мог. Вечером я распорядился, чтобы ужин подали в малой столовой. Я хотел, чтобы она привыкала к моему обществу. Когда она вошла, на ней были простые темные брюки и свитер из тех, что я велел купить для нее.

Она села напротив, не поднимая глаз.

- Завтра на приеме будет Артур Громов, - сказал я, разрезая стейк.

Она вздрогнула и подняла на меня взгляд. В ее глазах плескалась ненависть.

- Зачем вы мне это говорите? Хотите насладиться моим унижением?

- Я хочу, чтобы ты была готова. Он подойдет к нам. Он будет любезничать. А ты, - я сделал паузу, глядя ей прямо в глаза, - ты будешь мило ему улыбаться. Будешь вести себя так, будто ты самая счастливая женщина на свете рядом со мной. Ни тени страха, ни капли ненависти. Ты актриса, балерина. Так что сыграй свою лучшую роль. От этого зависит здоровье твоего отца.

Она побледнела, но кивнула. Сжала вилку так, что побелели костяшки пальцев.

- Что будет с Громовым? - тихо спросила она.

- Он заплатит. За все. А ты это увидишь.

Я хотел, чтобы она видела. Чтобы она знала, что я не просто бандит, забравший ее за долги. Я - правосудие. Жестокое, криминальное, но в ее глазах оно должно было стать единственно верным. Я хотел, чтобы она увидела мою силу не как угрозу для себя, а как щит.

Мы закончили ужин в молчании. Но это было не то неловкое молчание, что бывает между чужими людьми. Это было молчание, наполненное электричеством. Напряжение висело в воздухе так плотно, что его, казалось, можно было резать ножом.

Когда она ушла к себе, я еще долго сидел за столом. Завтрашний вечер обещал быть интересным. Это будет не просто выход в свет. Это будет первый ход в новой партии. И моей королевой в этой игре будет она. Хрупкая балерина с глазами испуганной лани и душой воина. Мое сокровище. Мои первые цепи.

Глава 6. Его скупая похвала. Василиса

День моего публичного унижения начался с оглушительной тишины. Я проснулась от луча солнца, пробившегося сквозь щель в шторах, и на мгновение забыла, где нахожусь. Но потом реальность обрушилась ледяным водопадом: я пленница, и сегодня меня, как породистую лошадь на аукционе, покажут высшему свету криминального мира.

Ровно в пять в дверь моей комнаты постучали. Это была не тяжелая, уверенная рука Кирилла, а легкий, почти извиняющийся стук. Вошли две женщины, одетые во все черное, с огромными кейсами в руках. Одна - высокая блондинка с холодным, профессиональным взглядом, вторая - миниатюрная брюнетка с живыми, любопытными глазами.

- Здравствуйте, Василиса. Я - Ольга, визажист. А это Марина, стилист по волосам, - представилась блондинка. - Кирилл Платонович просил подготовить вас к вечеру.

Они не задавали лишних вопросов. Они просто делали свою работу, превращая меня в экспонат. Я сидела перед огромным зеркалом в своей комнате, а они колдовали надо мной. Марина уложила мои черные волосы в сложную, но элегантную высокую прическу, выпустив несколько свободных локонов у лица. Ольга нанесла макияж - неброский, но подчеркивающий скулы и глаза. Дымчатые тени сделали мой взгляд глубже, почти трагичным, а нюдовая помада - губы беззащитными.

Я смотрела на свое отражение и не узнавала себя. Из зеркала на меня смотрела холодная, отстраненная красавица. Хрупкая, но с какой-то надломленной силой во взгляде. Маска была идеальной.

Когда они закончили, на кровати уже лежало то самое черное шелковое платье. Оно казалось живым, змеей, готовой обвиться вокруг моего тела.

- Мы поможем вам одеться, - сказала Марина. - Я сама, - мой голос прозвучал глухо. Мне хотелось сохранить хотя бы иллюзию контроля над собственным телом.

Они вышли. Я осталась наедине с платьем. С ненавистью и отвращением я сняла свой халат и надела этот шелк. Ткань была холодной и гладкой, она струилась по коже, облекая каждый изгиб. Открытая спина казалась беззащитной, будто с нее содрали кожу. Я посмотрела в зеркало. Платье было произведением искусства. И на мне оно сидело безупречно. Я выглядела... сногшибательно. И от этого было еще хуже. Я стала идеальной куклой для своего хозяина.

Дверь открылась. Вошел Кирилл. Он замер на пороге, и на мгновение его непроницаемое лицо дрогнуло. Его взгляд медленно прошелся по мне, от прически до кончиков туфель на высокой шпильке, которые тоже были в коробке. Этот взгляд был физически ощутимым, он скользил по моим плечам, по изгибу талии, по открытой спине. Я чувствовала, как под его взором кожа покрывается мурашками. В его черных глазах вспыхнул темный огонь - смесь восхищения, голода и откровенного обладания.

- Неплохо, - наконец произнес он, и эта скупая похвала прозвучала весомее тысячи комплиментов.

Он подошел ко мне сзади. Я видела его отражение в зеркале. Он был огромен, несокрушим в своем черном костюме. Я рядом с ним казалась еще более хрупкой и беззащитной. Он достал из кармана бархатный футляр. Открыл его. Внутри, на черном бархате, лежало кольцо - тонкая платиновая нить с россыпью мелких бриллиантов и одним крупным, каплевидной формы, в центре.

- Повернись.

Я не двинулась с места. Он молча обошел меня и встал передо мной. Его пальцы коснулись моей шеи, когда он надевал кольцо. Они были холодными, но там, где они касались кожи, вспыхивал пожар. Я задержала дыхание. Застегнув замок, он не убрал руки. Его большие пальцы легли в ямки у моих ключиц, а остальные обхватили шею. Он не давил, но я чувствовала его силу. Чувствовала, что он может сломать меня одним движением.

- Красиво, - прошептал он, глядя не на кольцо, а мне в глаза. - Теперь ты выглядишь так, как должна выглядеть женщина, принадлежащая мне.

Этот момент был до предела интимным и пугающим. Его близость отравляла, заставляя сердце биться в сумасшедшем ритме. Я хотела отшатнуться, но не могла. Я была парализована его властью, его запахом, его взглядом.

- Пора, - наконец сказал он, отпуская меня.

Всю дорогу до загородного клуба "Олимп" мы ехали в молчании. Я смотрела в окно, но видела лишь отражение нас двоих: холодного хищника и его наряженную жертву. Когда машина остановилась перед огромным, сияющим огнями зданием, Кирилл повернулся ко мне.

- Запомни, что я сказал. Улыбайся. И ни на шаг от меня.

Он вышел и открыл мне дверь, подавая руку. Его прикосновение было твердым и властным. Я положила свои пальцы в его ладонь, и он тут же сжал их. Мы вошли в зал.

Музыка, смех, звон бокалов, дорогие духи и запах денег. Сотни людей в вечерних нарядах. И все они, как по команде, обернулись на нас. На мгновение в зале повисла тишина, а потом снова раздался гул голосов, но уже тише, с нотками перешептываний. Я чувствовала на себе их взгляды - любопытные, оценивающие, завистливые. Я шла рядом с Кириллом, высоко подняв голову, как он и велел. Улыбалась. Играла свою роль.

И тут я увидела его. Артур Громов. Он стоял в центре зала, окруженный свитой. Увидев нас, он замер с бокалом шампанского в руке. Его лицо на секунду исказилось, но он быстро взял себя в руки и пошел нам навстречу с широкой, фальшивой улыбкой.

- Кирилл! Рад тебя видеть на моем скромном празднике! - прогремел он. Его взгляд скользнул по мне, и я увидела в нем шок и плохо скрытую злобу. - А это?..

- Моя спутница. Вихрова Василиса Платоновна, - представил меня Кирилл. Его рука с моей талии переместилась ниже, на изгиб бедра, властно прижимая меня к себе. Это был жест собственника.

- Василиса? - Громов изобразил удивление. - Вихрова? Дочка Платона? Не может быть! Как ты выросла, девочка! Какая красавица!

Он протянул руку, чтобы поцеловать мою, но Кирилл сделал неуловимое движение, и я оказалась чуть дальше от Громова.

- Мы с Платоном теперь партнеры, - ледяным тоном произнес Кирилл. - И все его активы, включая самые ценные, перешли под мое управление.

Намек был более чем прозрачным. Улыбка сползла с лица Громова. Он все понял.

Заиграла медленная музыка.

- Потанцуем, - это был не вопрос, а приказ.

Кирилл вывел меня в центр зала. Одна его рука легла мне на талию, на обнаженную кожу спины, другая сжала мою ладонь. Его прикосновение обжигало. Я чувствовала себя голой под взглядами сотен людей. Мы начали двигаться в такт музыке. Он вел уверенно, властно, не давая мне ни единого шанса на ошибку.

- Ты хорошо держишься, - прошептал он мне на ухо. Его дыхание опалило кожу. - Я почти поверил в твою радость.

- Я хорошая актриса, - процедила я сквозь стиснутые зубы, продолжая улыбаться.

- Я знаю.

Он притянул меня еще ближе. Теперь я всем телом ощущала его твердую мускулистую грудь, его сильные бедра. Моя щека почти касалась его плеча. Я чувствовала, как бешено колотится мое сердце. Это был танец на краю вулкана. Вокруг нас были враги, а мой главный враг, мой тюремщик, держал меня в объятиях, и эти объятия были одновременно и клеткой, и... странным, пугающим подобием защиты. В этот момент, в этом зале, полном хищников, он был единственным, кто мог меня защитить. И единственным, кто представлял для меня наибольшую опасность.

Он наклонился и снова прошептал, но на этот раз его голос был другим, в нем появились хриплые, интимные нотки:

- Все смотрят на тебя. Все тебя хотят. Но ты танцуешь со мной. И домой ты вернешься тоже со мной. Запомни это.

Его слова были как клеймо. Шепот в темноте зала, который навсегда отпечатался в моей памяти.

Глава 7. Нежеланное наваждение. Кирилл

Я наблюдал за работой стилистов через скрытую камеру в ее комнате. Это была мера предосторожности, не более. Но то, что я видел, превратилось в нечто иное. Я смотрел, как ее, мою дикую птичку, превращают в произведение искусства. Как из-под рук профессионалов появляется холодная, неприступная богиня. И когда она осталась одна и надела платье... я почувствовал укол в груди, похожий на удар тока.

Черный шелк обнимал ее тело, подчеркивая каждый изгиб, каждую линию. Она была совершенна. И она была моей. В этот момент я понял, что сегодняшний вечер - не просто тактический ход против Громова. Это было нечто личное. Я хотел показать ее не только врагам. Я хотел показать ее всему миру. И себе. Утвердиться в праве обладания этим сокровищем.

Когда я вошел в комнату, ее вид превзошел все мои ожидания. Живьем она была еще более ошеломляющей. Взгляд огромных темных глаз, в которых плескался вызов, хрупкие плечи, незащищенная линия спины. Я боролся с желанием подойти и просто провести рукой по этой гладкой коже, оставить свой след.

Колье было последним штрихом. Надевая его, я позволил себе эту мимолетную слабость - прикоснуться к ней. Ее кожа была горячей, бархатной. Я чувствовал, как под моими пальцами бьется ее пульс - частый, испуганный. И этот страх, эта ее уязвимость передо мной пьянили сильнее любого виски. Я видел в зеркале наши отражения: я - темная скала, она - изящная статуэтка рядом. Мы смотрелись... правильно. Как король и его королева.

Поездка, прибытие, взгляды... все шло по плану. Она держалась идеально. Ее лицо было непроницаемой маской, на губах играла легкая улыбка. Никто бы и не подумал, что эту женщину привезли сюда силой. Она была прирожденной актрисой.

Появление Громова было кульминацией. Я наслаждался каждым мгновением: его шоком, его растерянностью, его фальшивым радушием. Когда я произнес фразу о "самых ценных активах", я почувствовал, как напряглось тело Василисы рядом со мной. Но она не дрогнула. Она лишь крепче вцепилась в мой локоть, ища опору. И я дал ей эту опору, прижимая к себе, показывая всем, кому она принадлежит.

Но настоящий момент истины настал во время танца.

Я вывел ее в центр зала, намеренно. Я хотел, чтобы все видели. Моя рука легла на ее обнаженную спину. Кожа под моей ладонью была как огонь. Я повел ее в танце, и она, после секундного сопротивления, подчинилась. Она двигалась грациозно, легко, как и положено балерине. Но я чувствовал напряжение в каждом ее мускуле, ее отчаянную борьбу с самой собой.

Мы кружились в медленном танце, и мир сузился до этого пятка паркета. Я вдыхал ее аромат - смесь цветочных духов и ее собственного, чистого запаха. Я смотрел в ее глаза и видел в них бурю: ненависть, страх, отвращение. Но под всем этим, на самой глубине, я увидел нечто новое. Смятение. Она была сбита с толку своими собственными реакциями. Ее тело, прижатое к моему, не лгало. Оно откликалось на мою близость.

И тогда я не сдержался. Я сказал ей то, что думал. Что все ее хотят, но она - моя. Я увидел, как ее зрачки расширились, как она вздрогнула от моих слов. Я нанес удар, который должен был ее унижить, пригвоздить к месту. Но я сам попал в свою же ловушку. Произнося эти слова, я понял, что они - чистая правда не только для окружающих, но и для меня. Я не просто владел ею. Я... хотел ее. Не как трофей, не как красивую вещь. А как женщину.

Это осознание обрушилось на меня прямо там, на танцполе. Это было нежеланное наваждение. Я, Кирилл Рыжов, человек, который никогда не позволял себе слабостей, который менял женщин как перчатки, вдруг понял, что эта девочка, эта пленница, пробралась мне под кожу.

Мы закончили танец. Я отвел ее к столику в тихом углу, заказал шампанское.

- Ты молодец, - сказал я, наблюдая, как она делает маленький глоток. Ее руки слегка дрожали. Она не ответила, лишь смотрела куда-то сквозь меня.

- Громов следит за нами, - продолжил я. - Он зол. Он понял, что я знаю о его играх. Сегодня ты помогла мне объявить ему войну без единого выстрела.

- И что теперь? - ее голос был тихим, безжизненным. - Вы убьете его?

- Убийство - это слишком просто и грязно, - усмехнулся я. - Я его разорю. Я заберу у него все, что он имеет. Так же, как он поступил с твоим отцом. А потом, когда он останется ни с чем, я позволю ему жить. В нищете и позоре. Это хуже смерти.

Я хотел, чтобы она поняла меня. Поняла мою логику. Но она лишь посмотрела на меня своими огромными, печальными глазами.

- Вы все одинаковые. Делите мир, ломаете жизни... А такие, как я и мой отец, просто щепки, которые летят, когда рубят лес.

Ее слова ударили наотмашь. В них не было ненависти, только горькая, вселенская усталость. Она не видела во мне мстителя или защитника. Она видела лишь еще одного монстра, ничем не лучше Громова.

И это почему-то разозлило меня сильнее, чем любое ее сопротивление. Я хотел доказать ей, что она не права. Что я - другой. Что она для меня - не просто щепка. Но как это сделать, я не знал. Я умел только брать силой, подчинять, ломать. Других способов я не знал.

- Мы уезжаем, - резко сказал я, поднимаясь.

Я вывел ее из зала так же властно, как и привел. Всю дорогу домой она молчала, отвернувшись к окну. А я смотрел на ее отражение в стекле и впервые в жизни чувствовал себя... не в своей тарелке. Эта хрупкая девушка одним своим взглядом, одной фразой смогла пробить мою броню. Она стала моим нежеланным наваждением. И я понимал, что эта война - не только с Громовым. Самая сложная война теперь будет идти внутри меня. Война за нее.

Глава 8. Опасная мысль. Василиса

Обратная дорога из клуба "Олимп" прошла в густом, удушающем молчании. Я сидела, вжавшись в угол мягкого кожаного сиденья, и смотрела на пронсящиеся мимо огни. Они сливались в размытые полосы, как акварель, потекшая под дождем. Я не смотрела на Кирилла, но чувствовала его присутствие каждой клеткой. Он был похож на сжатую пружину, на вулкан, готовый к извержению. Его злость после моих слов о "щепках" была почти осязаемой, она заполняла все пространство в машине.

Когда мы поднялись в пентхаус, тишина стала еще более оглушительной. Он закрыл за нами дверь, и звук щелкнувшего замка прозвучал как приговор. Все. Спектакль окончен. Я снова в своей клетке, наедине со своим тюремщиком.

Не говоря ни слова, я развернулась и пошла в свою комнату. Мне нужно было немедленно сорвать с себя это платье, этот бриллиантовый ошейник, смыть с лица эту маску покорности. Это было физической потребностью, как глоток воздуха после долгого пребывания под водой.

Я уже была у своей двери, когда его голос, низкий и хриплый, остановил меня.

- Я не отпускал тебя.

Я замерла, не оборачиваясь. Спиной я чувствовала его приближение. Его тяжелые, уверенные шаги по мраморному полу. Он остановился прямо за мной. Так близко, что я ощущала жар, исходящий от его тела.

- Повернись ко мне, когда я с тобой говорю, - приказал он.

Медленно, с огромным усилием, я повернулась. Его лицо было темным, непроницаемым. Черные глаза горели холодным огнем.

- Что вы еще хотите? - прошептала я, мой голос дрожал от усталости и сдерживаемой ненависти. - Представление окончено. Ваша вещь сыграла свою роль. Можете убрать ее обратно в коробку до следующего раза.

Его желваки дернулись. Он шагнул еще ближе, вторгаясь в мое личное пространство, заставляя меня поднять голову, чтобы смотреть на него.

- Ты не вещь, - процедил он. - И ты не щепка.

- А кто я? - с горькой усмешкой спросила я. - Заложница? Плата за долги? Трофей? Выберите любой вариант, суть не изменится.

Он молчал, просто смотрел на меня сверху вниз, и этот взгляд был страшнее любых угроз. Я видела, как в его глубине борются ярость и что-то еще, что-то непонятное, что пугало меня еще больше.

- Мне нужно снять это, - сказала я, указывая на колье. - Я не могу расстегнуть замок.

Его взгляд опустился на мою шею, на сверкающие бриллианты. Он протянул руку, и я зажмурилась, ожидая грубого рывка. Но его пальцы были на удивление осторожными. Он повернул меня спиной к себе и расстегнул замок. Холодный металл соскользнул с моей кожи, и я вздохнула с облегчением.

Но он не отошел. Его руки легли мне на плечи, медленно скользя вниз по рукам. Я стояла, застыв, как каменное изваяние. Он наклонился, и я почувствовала его горячее дыхание у своего уха.

- А платье? - прошептал он. - С ним тебе тоже нужна помощь?

Мое сердце рухнуло вниз. Этого я и боялась.

- Я... справлюсь сама.

- Я так не думаю, - его голос стал еще тише, интимнее. Одна его рука легла мне на талию, на полоску обнаженной кожи, а вторая нашла на спине застежку-молнию.

Я видела наше отражение в темном стекле панорамного окна. Огромный, темный силуэт, нависший над хрупкой фигуркой в черном шелке. Он медленно, мучительно медленно потянул бегунок молнии вниз. Раздался тихий, зловещий шорох. Холодный воздух коснулся моей спины, и я содрогнулась всем телом. Платье ослабло, готовое в любой момент соскользнуть вниз.

Его ладонь, горячая и тяжелая, легла на мою обнаженную спину, прямо между лопаток. Он не делал ничего больше, просто держал руку, но от этого простого прикосновения по телу пронеслась волна жара и паники. Я чувствовала его силу, его власть надо мной. Он мог сделать со мной все, что угодно, прямо здесь, в этом холодном, бездушном холле.

- Не надо... пожалуйста, - выдохнула я. Это была не просьба, а мольба.

Он замер. На несколько бесконечных секунд воцарилась тишина, нарушаемая лишь стуком моего сердца. Я ждала. Ждала боли, унижения.

А потом он убрал руку.

- Иди, - его голос прозвучал глухо и отрывисто.

Я не верила своим ушам. Рванувшись с места, я влетела в свою комнату и захлопнула за собой дверь, прижавшись к ней спиной. Мои ноги подкашивались. Я сползла на пол, прижимая к груди расплывающееся платье. Я дрожала не от холода, а от пережитого ужаса и странного, непонятного облегчения, смешанного с разочарованием.

Почему он отпустил меня?

Я зашла в ванную и встала под душ, смывая с себя этот вечер, его запах, ощущение его пальцев на моей коже. Но это не помогало. Это ощущение въелось под кожу.

Выйдя из душа, я надела простую длинную футболку и посмотрела на себя в зеркало. Бледное, испуганное лицо. Но в глубине глаз было что-то новое. Он назвал меня не вещью. Он отпустил меня, когда я попросила. Это были крошечные, едва заметные осколки. Не надежды на спасение. А надежды на то, что в этом монстре, возможно, осталось что-то человеческое. И эта мысль была самой опасной из всех. Она могла заставить меня забыть, кто он. И кто я.

Чтобы выбить из головы эти мысли, я сделала то, единственное, что всегда меня спасало. Я отодвинула столик, освобождая пространство в центре комнаты. Встала в первую позицию. И без музыки, в полной тишине, начала танцевать. Медленно, выполняя базовые движения, я пыталась через танец вернуть себе себя. Вернуть контроль над своим телом, которое он почти присвоил. Это был мой безмолвный бунт. Мой маленький островок свободы в океане е

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.